

Волга, где работали многочисленные грузчики персы»⁴. Предполагаемому месту возникновения фамилии *Ашнйн* не противоречит региональная принадлежность слова *шня* («симб., пенз.»).

Межъязыковые миграции имен со значением 'приятель, товарищ, знакомец', которые могут одновременно служить обращениями к знакомым и незнакомым лицам, осуществляются достаточно свободно и представляют явление вообще нередкое. Многие такие слова в русском языке и его говорах являются восточными, преимущественно тюркскими, по происхождению: как заимствование из тюркских языков объясняется само слово *товарищ*, «ср. тур., чагат. *tavar* 'имущество, скот, товар'. . . + *eš, iš* 'товарищ'» или «от чуваш. *tavra* 'по кругу' + *iš* 'спутник'»⁵; *кунák, конák* 'друг', 'приятель, знакомый' — «из тур., кыпч., чагат., казах. *konak* 'гость', татар. *kinak*»⁶; диал. (казан). *досьмушка* 'друг, дружок, приятель, товарищ', 'брат'⁷ — из чуваш. *досым* 'приятель'; ю.-рус. («новорос.») *кодáш* 'товарищ'⁸ — из тюркских языков, по Фасмеру, ср. уйгур. *kadaš* 'товарищ, друг'⁹ и др.

⁴ Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. IV. — В кн.: Этимология. 1974. М., 1976, с. 155—156.

⁵ Фасмер IV, с. 68.

⁶ Фасмер II, с. 417, 307.

⁷ Филин 8, с. 152.

⁸ Филин 14, с. 44. Составителями словаря приводится также укр. диал. *кодáш* 'возница на свадьбе', в котором обнаруживается полная семантическая аналогия русскому *дружка* 'приятель' → 'распорядитель в свадебном поезде' и т. п. (см.: Филин 8, с. 215—217; Гура А. В. Терминология севернорусского свадебного обряда (на общеславянском фоне). АКД. М., 1978, с. 10—11).

⁹ Фасмер II, с. 275.

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ СТАРОРУССКИХ НАЗВАНИЙ МЕЧЕЙ

В настоящей статье описаны термины, засвидетельствованные впервые в русских памятниках письменности XV—XVII вв., — как употребляемые до настоящего времени, так и исчезнувшие из языка.

Едва ли не наиболее старым из них является суц. *кордъ*, толкуемое обычно как 'короткий меч, кинжал; род меча, кортик; род короткой шпаги'¹. Славянские формы этого термина: ц.-слав. *корда*, зап.-рус. (ст.-блр.) *кордъ*², укр. *корд* (у Фасмера II, с. 324;

¹ Срезневский I, стб. 1285; СлРЯ XI—XVII в. 7, с. 307; Словарь в кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, с. 444 и т. д.

² Булыка А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 171.

у Гринченко нет), польск. *kord* 'меч, палаш', ст.-польск. *kord* 'короткий меч, заостренный с одной стороны; также вообще меч и — что весьма вероятно — большой нож'³, н.-луж. *korda* (Махек), чеш., ст.-чеш. и словац. *kord* 'шпага'⁴, серб. *korđa* (*kôrda*) 'меч' (Miklosich LP, S. 304; Berneker, S. 569), с.-хорв. *hôrđa* устар. 'турецкая сабля'⁵, словен. *kordec* 'небольшой меч, стилер' — настолько близки между собой, что «должны быть признаны относительно поздними»⁶; термин известен в русской письменности с 1519 г., в польской — уже нередко в XV в.⁷ и однажды в XIII в., в чешской — с 1403 г.⁸ и возводится к средне- и новоперсидскому названию ножа *kārd* (ср. также осет. *kard* 'нож', 'сабля', 'в эпосе) меч', курд. *kêrd* и т. д.), с и.-е. глагольной основой **k_oert-* 'резать'⁹. К южным и восточным славянам, как считают, термин проник через тюрк. *kard*, а к западным славянам — через венг. *kard* 'меч', которое, по Э. Бернекеру, заимствовано, «вероятно, из аланского»¹⁰. Бросается в глаза искусственность разделения в этом пункте западных и восточных славян: слишком значительны были контакты (языковые и военные) между поляками и русскими в XV—XVII вв. Не случайно И. Г. Добродомов пишет о распространении слова *кордъ* из восточнославянского в другие языки¹¹, что не исключено. Впрочем, скорее всего, судя по приводимым ниже фактам, русские заимствовали термин от поляков (те — от чехов, чехи от венгров). Чеш. и польск. *kord* отмечено в значительно более древних памятниках, чем рус. *кордъ*¹².

³ St. stpol. III, с. 345; St. Polszcz. XVI w., X, с. 629.

⁴ Gebauer II, с. 103.

⁵ Толстой³, с. 603.

⁶ Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Дис. на соискание учен. степ. доктора филолог. наук. М., 1975, с. 281.

⁷ St. stpol. III, с. 345—346.

⁸ Gebauer II, с. 103.

⁹ Абаев I, с. 571.

¹⁰ Miklosich TEL II, S. 4; Miklosich, S. 132; Machek², с. 277; Berneker, S. 569; Фасмер II, с. 324. Термин заимствован и другими народами: лит. *kárdas* (из польск.), ср.-в.-нем. *korde*, *kurde*, *karde* (из чеш.), рум. *coardă*, алб. *korðe* (из юж.-слав.), ханты (остяц.) *karta*, манси (вогул.) *kort*, коми *kört* 'железо', марийск. *kerdo* 'сабля', груз. *dukardi* 'ножницы для стрижки овец' (по В. И. Абаеву, из перс. *dō-kārd*).

¹¹ Добродомов И. Г. Указ. соч., с. 282.

¹² Ц.-слав. *корда* ж. р. 'меч' (Miklosich LP, S. 304) дела не меняет: оно обнаружено лишь в списке 1401 г. Книги философской Иоанна Дамаскина (в извлечениях, представленных А. Горским и К. Невоструевым в их «Описании славянских рукописей Московской синодальной библиотеки», ч. II, отд. 2. М., 1859, с. 317: 155. *ѡко^м мечь (мечница) бръдѣнь сабля кер'да нѡжь (φασγάνον, ἄορ, σπάθη, μάχαρα, ξίφος)*, где кер'да — сербизм, как это показали А. Горский и К. Невоструев в указ. соч., с. 317. Подчеркнем, что *корда* ж. р. отсутствует у Срезневского (при наличии сущ. *кордъ* м. р.) и в Картогеке ДРС; составители Словаря русского языка XI—XVII вв. (вып. 7, с. 307) с полным основанием толкуют лишь сущ. м. р. *кордъ*, надежно представленное в старорусских текстах. Что же касается сербохорватского термина, то он во всех своих вариантах женского рода — *kôrda* и «молодые отдельные образования» *côrda*, *dôrda* 'меч, сабля', восходящие к тур. *kard* 'нож, клинжал' (Berneker, S. 569)

Далее. В польских документах XVI в. *kord* встречается 137 раз¹³, в русских же — 9 раз, причем даже при сплошной выборке число употреблений ст.-рус. (XVI в.) *кордъ* вряд ли возросло бы до 30. В связи с этим примечательны ст.-польск. образования XVI в. ум. *kordek* и *kordzik* при отсутствии производных от ст.-рус. *кордъ* в XVI в. Польск. *kord* сохранилось до нашего времени¹⁴, тогда как русское слово *корд* отсутствует уже в Словаре Акад. Росс. 1789—94 гг. (где дано лишь серб. ц.-слав. *корда*), а также в двухтомном Военном словаре М. С. Тучкова (М., 1818), поскольку такого термина в русском военном деле тогда уже не знали. Наконец, важно, что слово *кордъ* встречается лишь в памятниках западной ориентации: Рим. имп. д. I, 425. — Самъ (посол. — Г. О.) Гришу подъячего билъ по уху, а дѣтина его у подклучникова дѣтины кордомъ у руки персть отсѣкъ (1519 г. — первое употребление); Ревел. а. I.69, 1535—1540 гг.; Шведск. д., 1561 г.¹⁵; Польск. д., III, 565, 1568 г.; Шведск. д. 168, 1569 г.; Англ. д. II, 39, 1582 г.; Англ. д. II, 103, 1583 г. — Картотека ДРС; Англ. д., 1585 г.¹⁶; Pskov, 1607, л. 56¹⁷; Вести-Куранты, I (М., 1972), с. 34, 1620 г., с. 165, 1633 г.; Козм. 388, 1670 г.

Исключение, и то по существу лишь кажущееся, — московская Опись оружия 1614 г. (Чт. ОИДР; 1882 г., кн. I (М., 1882), разд. II, стб. 30), — относящаяся ко времени особенно тесных русско-польских языковых контактов в области военной.

и к *kürdä* 'длинный загнутый кинжал', представленному у В. В. Радлова (Радлов II, стб. 1462). Попав в перевод сочинений Иоанна Дамаскина, чужеродное для русских читателей *корда* нуждалось в толковании, находимом, например, в азбуконниках XVII в., где оно поясняется старорусским *корть* м. р.: *вѣрднѣ зраша корда сѣ именѣ зрѣжнѣиѣ иже бываеѣ при вѣдрѣ, икоже се вѣднѣ, торчѣ, корть* (Алфавит. XVII в. — Рукоп. ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q.XVI.4, л. 47 об.; аналогично: Словарь иностранных слов. К. XVII в. — Рукоп. ОР ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, шифр Q.XVI.6, л. 11), причем сама толкуемая часть цитаты напоминает приведенное выше извлечение из сербского источника (*врданъ саблѣ корда*). Возможно, теми же соображениями, что и авторы азбуконников XVII в., руководствовались составители Словаря Академии Российской, толкующие, впрочем, *корда* как архаизм и без иллюстраций (Сл. Ак. Рос., ч. III, стб. 814). Ф. Рейф некритически перенес эту глоссу в свой словарь с толкованием: *sort d'ancien glaive*. Любопытна нехарактерность сущ. ж. р. *korda* для польского (например, оно дано в *Sł. Polszcz. XVI w.*, X, 630 лишь с отсылочной справкой: «Сп (Княпский. — I. O), Linde XVII w.»), — т. е. оно отсутствует в польск. памятниках XVI в.). Странным образом в «Указателе слов» издания «Вести-Куранты, 1600—1639 гг.» (М., 1972, с. 261) отмечаются формы как муж., так и женск. рода, хотя в текстах, на которые сделаны ссылки в указателе, формы ж. р. нет (с. 34 и 165).

¹³ *Sł. Polszcz. XVI w.*, X, с. 630.

¹⁴ Варшавский словарь II, с. 473—474.

¹⁵ Сб. РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 85. В настоящем перечне источников мы довольствовались их условно-сокращенными обозначениями, принятыми в Словаре русского языка XI—XVII вв. (См. «Указатель источников» к этому словарю, изданный в 1974 г.).

¹⁶ Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, с. 158—159.

¹⁷ Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Ed. by L. L. Hammerich etc. Copenhagen, 1961, 1970, v. I, p. 56; v. II, p. 39.

Все эти данные подтверждаются собственно историческими сведениями у Костомарова, воспроизводимыми в Словаре русского языка, изданном II Отделением Академии наук (s. v. *корд*: т. IV, вып. 7, СПб., 1913): короткие шпаги, называемые «кордами», «получались в XIV в. в Россию из Польши».

Обращаясь к семантике термина, приведем две записи, расширяющие давно сложившиеся представления о лексическом значении ст.-рус. слова *кордъ*: 1) *кордъ* //*kord weher*, *корд cutlass* (Pskov 1607)¹⁸, где псковск. *корд* — ‘абордажная сабля’; 2) в одном случае *корд* = *мечь*, ср.: а) А другое онъ (англ. посол Еремей Боус. — Г. О.) свое бесчестье сказываетъ, какъ де было ему быть передъ нынешнимъ гдремъ, и съ него де сняли *кордъ*...//а...обычай держит и ведетца на Руси, что некоторому послу вооруженну или в кордахъ не быти передгдремъ...Списокъ толмача Р. Бекмана¹⁹; 1585 г.; б) а что писала къ намъ въ своей грамоте о Еремѣе Боусе, что ему бесчестье учинили, что у него мечь отняли. . . и . . . которые къ намъ. . . послы и посланники ни приходятъ. . . а при нихъ мечи и сабли не бывають. Грамота, 1587 г.²⁰ Значение *кордъ* ‘меч как таковой’ точно соответствует одному из лексических значений ст.-польск. *kord* ‘w ogóle miecz’ (XVI в.).

Одно из последних употреблений слова относится к 1670 г.: ко всякому оружію имѣють охоту, отъ 12ть лѣтъ за оружіе принимаютъ, припоясываютъ корды и сабли, и всякое оружіе. Козм., 388. — Картотека ДРС. В обширной Полибинской Переписной книге Моск. Оруж. Палаты (1687 г.) (рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, д. № 936) термин *кордъ* не представлен, как и во всех позднейших описях Московской Оружейной Палаты, тогда как в московской описи оружия 1614 г. он упоминается: портозанъ навожень золотомъ, у него кисть шолкъ червчат. . . — латы и шапочка съ наручи. . . — кордъ стальной, ножны обиты бархатомъ чернымъ, привяска и поясъ шиты канителью (И. Забелин. Дополнения к Дворцовым Разрядам)²¹.

Слово *кордъ*, выйдя в условиях ослабления польского влияния на русский язык в последней трети XVII в. из употребления, стало в новое время историзмом, используемым в художественной литературе, например у А. К. Толстого («Смерть Иоанна Грозного», д. V, палата во дворце).

Фонетический вариант термина *кордъ* — *хортъ* — отмечен уже у Р. Джемса: *chort/spaga/palash/sablach* — *swords* (мечи)²². Б. А. Ларин справедливо отождествляет *хорт* с *корд* терминологически, однако напрасно отказывается видеть в записи *chort* непосредственное отражение реальной фонетической формы, ре-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сб. РИО, т. 38, СПб., 1883, с. 158—159.

²⁰ Там же, с. 180.

²¹ Чт. ОИДР, 1882, кн. I. М., 1882, разд. II, стб. 30.

²² Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 65.

конструируя запись *chort* как *корть* (с. 65): графический вариант *хортъ* есть в другом старинном севернорусском памятнике — Переписных книгах Соловецкого монастыря, составленных подполковником И. Кокоскиным: два палаша о^нноручны простыя хортъ ста^нно^і в но^жня^х оклее^н кожею... посох в не^х ки^жаль ста^нно^і, л. 191 об. 1711 г.²³ Ср. запись, сделанную почти одновременно с записью Р. Джемса: Поясъ нѣмецкой... Три аршины тафты... на перевязь, на чемъ хортъ носити... (Римск. имп. д. II, 1380. 1621 г. — Картоотека ДРС).

Еще один вариант термина *кордъ*: А доспѣхи вельми тверды, злаченныя колонтари, и булатные банданы, и кончаны Фряжскія, и *курды* Ляцкія, и сулицы нѣмецкія. Мам. поб. (Кар. ИГР V, пр. 428)²⁴.

Заслуживает внимания отмеченное у Рич. Джемса сущ. *порт*: *porte a kinde of sharpe shavinge knife of which somme are verie longe* — с фонетической реконструкцией Б. А. Ларина: *порт* (? *корт*, *кортик*), с. 196. Отождествление *порт* с *корт*, *корд*, *кортик*, однако, оспаривается из-за коми-зырянского и удмурт. *пурт* 'нож'²⁵.

Из ст.-рус. *корть* (<*кордъ*), которое, как выше показано, засвидетельствовано в письменности, образовалось уменьш. *кортик* 'коротенькая шпага у моряков', 'кинжал, длинный нож (охотничий)', ср. ст.-польск. уменьшительное от *kord kordzik* 'небольшой корд' (1471 г.). Установлена первая фиксация слова *кортик*(ъ) в письменности — 1706 г.²⁶ Не исключено, впрочем, более раннее его употребление, судя по наличию уменьш.-уничижит. *кортишко* еще в 1608 г.: Служилая люцкая рухлядь. // . . . полашь Литовской, да кортишко, да 13 сабель всѣ плохиі без наводу. (Оп. им. Тат.)²⁷. С XVIII в. *кортик* надежно вошло в лексическую систему русского языка.

С ослаблением активности слова *кордъ* в XVII в. и исчезновением его из языка во второй половине XVII в. в определенной мере связана активизация исконного *тесаць* 'пехотное холодное оружие с укороченным широким обоюдоострым клинком'; ср. ст.-польск. *tasak*, *tesak* 'короткий и широкий меч'²⁸; соврем. *tesak*, устар. *tesaczek* 'короткий обоюдоострый меч, кинжал'; 'род короткого, тяжелого секача с ручкой'; 'разбойник'; *anmek*. 'широкий нож'²⁹; в.-луж. *tesak*, м. 'сабля; шпага'³⁰; чеш. *tesák* 'плотничий

²³ Архив ЛОИИ. Коллекция № 2. Актовые книги, № 154.

²⁴ Срезневский I, стб. 1377.

²⁵ Добродомов И. Г. Указ. соч., с. 281.

²⁶ Эфендиева А. Дж. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.). Дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Л., 1974, с. 213.

²⁷ Временник ОИДР, кн. 8. М., 1850, смесь, с. 15.

²⁸ *Reszek. Sł.*, с. 503.

²⁹ Варшавский словарь VII, с. 30.

³⁰ *Трофимович*. с. 325.

топор'; 'длинный широкий нож'; 'клык' ³¹; словац. *tesák* 'длинный нож' ³²; 'тесак'; 'клык' ³³; болг. диал. *tesák* 'тесак, плотничий топор' ³⁴; с.-хорв. *těsāk*, м. 'большой широкий нож'; *воен.* 'тесак' ³⁵.

Военный термин рус. *тесак*, польск. *tasak*, *tesak* зафиксирован впервые лишь в документах позднего средневековья ³⁶. Из приведенных соответствий видна семантическая близость терминов *кордъ* и *тесакъ*. Ср. ст.-польск. запись: *męcecz a thesak tho iest kord* ³⁷, а также чешскую фразу: *T.[esak]=dlouhý široký nůž, jehož místo kordu užívati lze* ³⁸. И если в польском языке военн. термин *tesak* устарел, а *kord* сохранился, то в русском картина противоположная. Такая взаимосвязь знаменательна.

Обратимся к древнейшим фиксациям термина *тесакъ* в русских текстах. На клинке тесака, некогда сделанного в Москве и сохранившегося в Оружейной Палате еще в 1860 г. ³⁹, был вписан в 1617 г. латиницей текст, содержащий термин *тесакъ*: *Sy tesak sdeelal poweleniem gossudara tzaira i welikobo (так! — Г. О.) knesa Michaila Feodorowitsha vsea Rrusyi v paetoe leeto gossudarstwa iebo maesetza. Po prikazu kraitschebo y oruschnitschebo Michaila Michailowitscha Saltikowa, delal master Nial Proswit* ⁴⁰. В издании 1860 г. Описи Моск. Оруж. Палаты (с. 139) сделано к этой надписи примечание: «Мастер Просвит, вероятно, был богемец, а потому и подпись божемского начертания».

Другой контекст того же времени: «217. . . у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чемѣ класти сабли, палаши. . . мечи, тѣсаки, торчи, рогатины. . .» 1607—1621 гг. ⁴¹

В «Росписи оружейной казне царя Алексея Михайловича» (1647 г.) упоминается *тесак кизылбашскои*, т. е. 'персидский': *полосы сабелные . . . //тесаки /г. тесака оди^н бУлатно^н кизы^лба^ш-ско^н а два ста^нные моско^нско дѣло. . .* ⁴² Слово *тесакъ* встречается в отличие от сущ. *кордъ* и в более поздних росписях оружия: а) в сабли /просты^т полского дѣла / . . . тесакъ ис простыхъ но^жны покрыты че^р/ною^ж кожей (Роспись оружия для Троицкого похода. 1685 г.) ⁴³; б) ше^десятъ три тесака покрыты чер/ною кожей. . . тѣ теса/ки о^бдвигли^с в ОрУже^нно^н ка^ннѣ . . . ѱ иноземца

³¹ *Kott* IV, с. 67.

³² *SSJ* IV, с. 518.

³³ *Slovensko-ruský prekladový slovník*, d. II. Bratislava, 1958, с. 469.

³⁴ *Бернштейн* (1975), с. 656.

³⁵ *Толстой*³, 587.

³⁶ Обращает на себя внимание отсутствие слова *тесакъ* у Срезневского.

³⁷ *St. Polszcz.* XVI w., X, с. 630.

³⁸ *Kott* IV, с. 67.

³⁹ Московская Оружейная Палата. Изд. 2. М., 1860, с. 139.

⁴⁰ *Снегирев И.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842—1845, с. 281.

⁴¹ *Радишевский О. М.* (Онисим Михайлов). Устав ратных, пушечных и других дел. . . выбран из иностранных военных книг. . . Издан под смотрением [В. Г.] Рубана. ч. 1—2. СПб., 1777—1781, с. 6.

⁴² Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 3—4.

⁴³ Там же, ч. 32, № 52127, л. 28.

ъ А^ндрѣа / А^нтемьева (Переписи. кн. Моск. Оруж. Пал. 1687 г.⁴⁴ В этой древнейшей из дошедших до нас полных описей Московской Оружейной Палаты встречается также прилаг. *тесаковыи*, свидетельствующее о словообразовательной активности рассматриваемого термина в то время: два тесака. . . Да па^т поло^о тесаковыхъ цена по пяти а^нтынъ. — Там же).

Термин активен и в XVIII в.: Въ Берлинѣ. . . всѣ (гренадеры. — Г. О.) имѣють тесаки, а не шпаги. 1706 г.⁴⁵; двѣ сабли да тесакъ (Докл. в Сенате VI, 1, 1716 г., № 327, 278. — Карто-тека Словаря XVIII в.).

В Лексиконе трезычном Ф. Поликарпова (СПб., 1704) встречается вариант термина — *теслакъ*: «Теслакъ, или тесакъ ἰμεισπιθιον, femispatha». Ср. др.-рус. *тесла* 'особый вид топора'⁴⁶, болг. *тесла* и т. д.

Термин проник в фольклор: *тесак* — 'тесак, короткая сабля'. Д. К. Зеленин. Сказки Пермской губ., 335, 507. — Картотека БАС. Еще: Рыбников. Песни II, 198: *тесак*. — Там же. Военный термин *тесак* активен в XIX в.: Тесак — холодное оружие, составлявшее у нас довольно долго вооружение нижних чинов. . . В. . . 1848 г. введены 2 образца тесака: . . . с прямым и коротким обоюдоострым клинком. . . и. . . с правым клинком⁴⁷. У А. Степанова в романе «Порт-Артур» (кн. II, ч. III. М., 1950, гл. I, с. 26) находим термин *штык-тесак*. Лишь в XX в. сущ. *тесак* 'короткий меч' с исчезновением данного вида оружия становится историзмом. Свидетельством былой активности у славян этого слова является факт его заимствования в немецком: *Dusak, Disak, Dusek, Duseke, Dussäk, Thiesak*, м. и ж. р. 'короткий широкий меч'⁴⁸.

В памятниках 1619—1662 гг. встречается слово *картеляш(ъ)* (и *картеляжъ, кортеляшъ*), семантически близкое к *тесакъ* и *кордъ*, хотя и не тождественное им, и потеснившее вместе с сущ. *тесакъ* слово *кордъ*. Правда, одновременно с упрочением и утверждением термина *тесакъ* слово *картеляшъ* (с его вариантами) выходит из употребления. Его соответствия: польск. *kordelas* 'охотничий нож', 'охотничий меч', 'шпага', имеющее в связи с такой семантикой народноэтимологическое сближение со словосочетанием *kord do lasa*, но в действительности не связанное по происхождению со словом *kord*⁴⁹, диал. *kordylac* то же; чеш. стар. *korduláč, kortuláč* 'широкий клинок', 'длинный и широкий меч', также *kartelast* 'вид шпаги',

⁴⁴ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 74. Тесаки в этой рукописи описаны после сабель и сабельных полос перед палашами.

⁴⁵ Архив князя Б. А. Куракина, кн. III. СПб., 1892, с. 170.

⁴⁶ *Срезневский* III, стб. 952. В значении 'топор' термин *тесакъ* в статье не рассматривается.

⁴⁷ Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Г. А. Леера, т. VII. СПб., 1895, с. 471.

⁴⁸ *Linde* V, с. 620; *Grimm* II, стб. 1189, 1756.

⁴⁹ *Kartowicz* J. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. Kraków, 1891—1905, с. 299—300.

словен. *korteláč* 'изогнутый рубящий нож', далее нем. устар. *Kartilatz*, *Kordelasche* 'вид оружия', *Kortelatsch* 'небольшой кинжал', ст.-швед. *kurtelas*, англ. *curtlasse*, *cutlass* 'абордажная сабля', голланд. *kortelas*, фр. *coutelas* 'короткая и широкая шпага, набедренный большой поваренный или охотничий нож', ит. *coltellaccio* 'армейский нож'. Термин восходит к лат. *coltellus* 'ножик' (<*culter* 'нож') и заимствован из ит. диал. *cortelas* через немецкое посредничество⁵⁰. Ст.-рус. термин фонетически ближе всего к нем. *Kortelatsch*, *Kordelasche*, откуда, по-видимому, и пришло заимствование. Менее вероятно польское посредничество. Все памятники, в которых обнаружено рус. *картеляшъ*, исключительно московские (см. ниже). А в Москве в XVII в. было немало немцев — мастеров-оружейников, которые могли дать начало русскому термину.

До сих пор оставшееся неизвестным в исторической лексикологии, лексикографии и этимологии, ст.-рус. *картеляшъ* (с вариантами) встретилось нам в следующих контекстах: 1) Солоница серебрена четыроугольна. . . подъ солонкою на стоянцѣ промежъ столбиковъ стуль; на стулѣ человѣкъ на конѣ золоченъ, въ латахъ, въ шишакѣ, въ правой рукѣ картеляшъ, сидитъ, замахнясь; подъ конемъ змѣя о четырехъ ногахъ (Моск. 1619 г.)⁵¹. — Контекст дает представление о величине «картеляша»: чтобы всаднику убить под лошадью змею, необходимо, чтобы «картеляш» был, по крайней мере, длиннее обычного кинжала; это наблюдение косвенно подтверждается тем, что во всех остальных контекстах термин *картеляшъ* (и *картеляжъ*) употреблен рядом со словами *палашиъ* и *тесакъ*, но не со словом *кинжалъ*, хорошо известным в XVII в.: 2) тесаки. . . /палаши. . . / картеляши / .в. картеляша немецкие о (. . . ?) Ѹ обѣихъ стальные бправы на ножна². . . /шпаги. (Росп. оруж. казне царя Алексея Михайловича, 1647 г.)⁵²; 3) Тесакъ. . . цена 20 рублевъ. Картеляжъ⁵³ нѣметцаго дѣла, черенъ, крыжъ желѣзной позолоченъ. (Росп. им. Н. Ром., 48, 1659 г.); 4) .е. сабѣ². . . /Полашъ/ / .в. ка^ртелѣша. (Опись Моск. Оруж. Пал., 1662 г.)⁵⁴ — Написание *е* в предпоследнем слоге, по-видимому, обусловлено редукцией гласного ввиду перемещения ударения на окончание слова; в черновике того же источника читаем: *полашъ* / .в. ка^ртелѣша, л. 23.

Слово дало производное образование *картеляжныи*: .в. кар-

⁵⁰ Grimm V, стб. 1807, 244; Matzenauer A. Cizi slova ve slovanských řečech. V Brně, 1870, с. 214; Karłowicz. Op. cit., с. 299—300; Варшавский словарь II, с. 474; Berneker, s. v. *kordelas*.

⁵¹ Успенский А. Столбцы бывшего Архива Оружейной Палаты, вып. I. М., 1912, с. 123. Другой, менее выразительный, контекст см. там же, с. 118 (1619 г.): *картеляшъ*.

⁵² Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 4.

⁵³ В печатном тексте этой «Росписи всяким вещам. . .», что осталось по смерти боярина Н. И. Романова» (Чт. ОИДР, 1887, кн. 3, отд. 1, с. 48) слово неправомерно разделено: «картеля-жъ», что говорит о полном забвении его на Руси.

⁵⁴ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8, 156, л. 9.

тѣлаша. . . // в. полосы картелл^нныхъ (Росп. оруж. казне царя Алексея Михайловича, 1647 г.)⁵⁵.

Со ст.-рус. *кордъ*, особенно в тех случаях, когда оно выступало в значении 'меч', связан по употреблению и термин *палашъ*⁵⁶ 'прямая и широкая сабля, обоюдоострая к концу лезвия' («приблочное оружье, употреблявшееся кирасирами и драгунами, состоявшее из длинной полосы, с обеих сторон и с конца острой, утвержденной в эфесе, имеющем решетку для закрытия руки») ⁵⁷; укр. и ст.-укр. (РИБ-8. СПб., 1890, стб. 1136) *палашъ* (ъ), блр. *палаш*, польск. *palasz*, в.-луж. *palaš*, чеш. *palaš*, словац. *paloš* 'палаш', болг. *палешъ* 'палаш' (Геров), с.-хорв. *páloш*, *páлош*, м. р. 'палаш', словен. *palaš* то же; нем. *Pallasch*, итал. *palascio*, *paloscio*, ср.-франц. *palache*, англ. *palache*, рум. *palosz*, венг. *pallós* 'палаш', марийск. *пұлч* разг. 'сабля', тур. *palyoz* 'штык-тесах', курд. *paloš*. В основе этих слов видят тур. *pala* 'род сабли с коротким широким клинком, палаш', восходящее к персидскому источнику ⁵⁸. Вост.-слав. *палаш* возводят непосредственно к венг. *pallós*⁵⁹, реже — к польск. *palasz*⁶⁰, которое — из венгерского ⁶¹. Восточнослав. *палаш* отличается от венг. *pallós* огласовкой второго слога и характером ударения (лишь у Даля, т. III, с. 7, имеем ударение *пáлаш*, против которого возражает А. Г. Преображенский). Это «дает основание видеть самостоятельные заимствования, но их источник и хронология требуют дальнейших разысканий. Ср. сартов. *palá* 'сабля' (Радлов IV, 1166), тур. *палалык* 'острая сторона доски или бревна' (IV, 1164)» ⁶². М. Фасмер (III, 191) обращает внимание на возможность генетической связи рус. *палаш* и *палач* (стар. *полач*). Отметим в связи с этим любопытную семантическую параллель польск., ст.-польск. *multan* 'молдаванин (=палач)' > ст.-польск. *multan*, ст.-рус. *мултанъ* (ъ) 'меч с широким клинком'⁶³.

⁵⁵ Там же, оп. 1, ч. 4, № 3593, л. 4—5.

⁵⁶ Ср.: «Другие виды мечей. . . восточных форм, среди которых особенно интересен ровный однолезвийный меч, палаш, или *korđ*, редко встречаются в славянских землях того времени. (Более всего они встречаются в Венгрии. . .)» (Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 374).

⁵⁷ Тучков М. С. Военный словарь, ч. 2. М., 1818, с. 25.

⁵⁸ Kluge — Götz, S. 544; Knieza I. A magyar nyelv szlav jövevenyszavai I. Kötet 2. Resz. Budapest, 1955, с. 703—705.

⁵⁹ Фасмер III, с. 191; Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря. — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 42.

⁶⁰ Преображенский II, с. 7.

⁶¹ Brückner, с. 392.

⁶² Добродомов И. Г. Указ. соч., с. 286—287.

⁶³ Ст.-рус. *мултанъ* известно лишь в одном контексте: 217. . . у стѣны устроити стоячихъ столбѣхъ гвозди, на чѣмъ класти сабли, палаши, мултаны, кондеры, мечи, тѣсаки. . . 1607—1621 гг. (Радищевский О. М. Указ. соч., ч. II, с. 6). Оно восходит к польск. *multan* (также *multanin*) 1) 'молдаванин', 2) 'разновидность сабли' (Linde III, 162; Варшавский словарь II, с. 1067: от польск. названия молдавского края — *Multany*; А. Брюкнер поясняет: «Молдаванин назывался палачом, поэтому *multan* в 16 и 17 в. [обозначало также] и меч палача. — Brückner, с. 348; ср. ст.-укр. *моунтѣнь* (пз молд. *мунтен* 'житель Мунтении') 'горянин' (от молд. *мунте* 'гора'). —

Что касается хронологии появления соответствующих названий в русских памятниках письменности, то следует отметить, что слово *палаш* засвидетельствовано лишь начиная с XVII в. (см. ниже), т. е. в более поздних памятниках, чем *палач* (*полач*), которое приводится уже в Парижском словаре москвитов 1586 г.: *pollachy le bourreau* ('палач')⁶⁴, где диграф *ch* скорее всего передает весьма приблизительно не свойственный французскому языку русский звук ч (ç) (отражение в этой записи якобы первоначального произношения русскими данного термина *палач* как *полаш* значительно менее вероятно, судя по еще более древним, относящимся к концу XV — началу XVI в. и найденным К. Р. Галиуллиным ономастическим данным с интересующим нас этимологическим корнем — только в виде *полач* (*палач*), т. е. всегда с написанием ч, а не ш, например: Полач, крестьянин, 1501 г.)⁶⁵.

Тот факт, что сущ. *палач* (*полач*) известно только в русском языке, тогда как более позднее по времени заимствование *палаш* (*полаш*) имеет соответствия в ряде языков, заставляет считать, как, кстати, может быть, и отсутствие фонетического тождества между русскими *палаш* и *палач*, что семантический сдвиг 'палач' > 'палаш' (или наоборот: 'палаш' > 'палач?') произошел, скорее всего, в языке-источнике (что может облегчить поиск этого источника в дальнейшем), а не на восточнославянской почве.

В плане выявления этимологического родства между рус. *палаш* и *палач* любопытно отметить фонетическую близость к рус. *полач* приведенного выше марийского разг. *пулач* 'сабля'.

Ударение в ст.-рус. *палашъ* приходилось, по-видимому, на последний слог, судя по многочисленным написаниям *полашъ*

Сл. ст.-укр. I, с. 620. Ст.-польск. *multan* 'короткий прямой, вероятно, обоюдоострый меч' засвидетельствовано с 1500 г. (Sł. stpol. IV, с. 363). Толкование ст.-рус. *мултан* 'короткий прямой меч' подтверждается цитированным выше контекстом: «мултаны» упоминаются после палашей и перед мечами. В русских народных говорах это сущ. *мултан* не обнаружено. Слово приводится с толкованием 'род воинского орудия, подобного палашу или мечу' в первых двух русских академических словарях (САР¹ IV, 1793, стб. 327, и Слов. Акад. 1847 г.) с пометой *стар.* (*ин.*) и со ссылкой на Устав ратных дел О. М. Радищевского.

⁶⁴ Ларин Б. А. Парижский словарь Москвитов 1586 г. Рига, 1948, с. 159. А. Дж. Эфендиева в своей кандидатской диссертации «Восточные заимствования в русском языке позднего средневековья (XVI—XVII вв.)» (Л., 1975, с. 217) напрасно относит древнейшее употребление слова *палашъ* 'палаш' к 1586 г. (со ссылкой на 72 с. Парижского словаря Москвитов в издании Б. А. Ларина; в действительности в этом словаре приводится лишь слово *палач* в цитированной нами записи *pollachy le bourreau*, и притом на с. 159).

⁶⁵ Галиуллин К. Р. Ономастика и хронологическая характеристика тюркизмов апеллятивной лексики русского языка. — Сб. аспирантских работ Казанского ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Гуманитарные науки. Языкознание. Литературоведение. Казань, 1976, с. 89. Разыскания К. Р. Галиуллины делают устаревшими сведения о том, что сущ. *палач* (стар. *полач*) «в памятниках встречается с XVII в.» (так в кн.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. М., 1975, с. 323; см. также: Фасмер III, с. 191; Добродомов И. Г. Указ. соч., с. 287).

наряду с *палашъ*, а также по любопытной однократной описке *пашъ* в памятнике, где на протяжении 16 листов (л. 74—90) при перечне палашей имеем стабильное написание *полашъ*: Полашъ полоса сто^анага. . . // $\hat{a}$ по $\hat{i}$ нешнеⁱ переписи рче^т го^у с пре^нни^м / перепасными кнгами то^т пашъ сшо^ста / цена тому полаш^у сто сорокъ семь / р^ублевъ (Переписн. кн. Моск. Ор. Пал. 1687 г.⁶⁶). Ср. у Ф. Поликарпова в «Лексиконе трызачном» (СПб., 1704, s. v.) *палашъ*.

Древнейшая датировка ст.-рус. *палашъ* (в написании *полашъ*) — 1608 г.: Служилая люцкая рухлядь. // Полашь Литовской, да кортишко, да 13 сабель (Оп. им. Тат.)⁶⁷.

Дальнейшие употребления — в Уставе ратных дел О. М. Радичевского (ч. 2, с. 6), у Рич. Джемса (р. 5, с. 65), в Вестях-Курантах 1642—1644 гг. (М., 1976), с. 218: с хороши/ми саблями и с полашами (о написано по а), 1643 г. и т. д. Написание словоформы *полаша* (Док. Моск. театр. 1675. Чт. ОИДР 1914, 2, с. 53: «2 полаша») свидетельствует об ударном окончании.

Составные термины: *полашъ лито^{ско}* (Роспись оружий и знамен. . . 1664 г.⁶⁸; Оп. им. Тат., 15); *палаш немецкой* (1687 г.)⁶⁹, *турской* ('турецкий'), (СГГД IV, 149². — Картотека ДРС), *стал(ь)ной* (1687 г. Переписн. кн. Моск. Ор. Пал.)⁷⁰, *б^латной* (там же, л. 78 об.), *двоерезной* (возможно, 'с обоюдоострым на всем протяжении клинком, в отличие от большинства палашей'. — Книги переписные подполковника И. Кокошкина Соловецкого м-ря. 1711 г.)⁷¹, *одноручный* ('два пистолята два палаша о^норучны простыя. — Там же), *деревянный* (вмѣсто сабель деревянные палашы носятъ. — Козм. 1670 г., 446. — Картотека ДРС), *драгунский, рейтарский* (Птр I (указ.) т. IV, 44).

Заслуживают внимания производные *полашный* 'относящийся к палашу' (Полосы палаш^{ные}. . . // кры^к полаш^{но}). Переп. кн. Моск. Ор. Пал. 1687 г., л. 89—90) и *палашник(ъ)* 'вооруженный палашом' (1647 г. Учение и хитрость ратн. строения пех. люд. 130²; еще: АМГ II, 320).

У Л. Майкова *палашъ* фигурирует в пословице: Хотя и нагишомъ, да съ палашомъ (Сб. посл. Л. Майк.; к. XVII—XVIII в., 112).

Дальнейшая история слова *палаш* не отмечена какими-либо существенными изменениями: оно активно употребляется в XVIII—XIX вв. и только в наши дни претерпевает процесс архаизации.

В вост.-слав. варианте термина *поласъ* конечное *с* могло быть вызвано регрессивной ассимиляцией по месту образования в пре-

⁶⁶ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 766—77.

⁶⁷ Временник ОИДР, кн. 8, 1850, смесь, с. 14—15.

⁶⁸ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 7, № 8901, л. 8.

⁶⁹ Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. Ереван, 1953, с. 196.

⁷⁰ Рукоп. ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 2, № 936, л. 82.

⁷¹ Архив ЛОИИ, колл. 2. Актовые кнпки, № 154, л. 191 об.

делах одного составного термина *палаш*(ъ) *зубчатый*: 2 сабли. . . Полась зубчатой, ножни хозу черного, оправа желѣзная (Оп. им. гетм. Самойловича. 1690 г. По языку это памятник с чертами как русскими, так и украинскими) ⁷².

Система описанных здесь названий разновидностей меча характеризуется наличием большего, чем в новое время, количества терминов, что объясняется актуальностью самих реалий, несмотря на быстрое развитие в XVI—XVII вв. огнестрельного оружия. Лишь два из рассмотренных названий сохранялись в активном употреблении вплоть до XX в. (*месак*), его первых десятилетий (*палаш*).

⁷² РИБ VIII. СПб., 1884, стб. 1077.

С. Каралюнас

ЛИТ. *pólumas* 'БОЛОТИСТОЕ МЕСТО'

Лит. *pólumas* 'низкое, влажное, болотистое место', 'болотистый кустарник', 'большая площадь леса, поля', по-видимому, относится к типу производных, образованных от имен прилагательных, ср.: *báltymas* 'белок', *júodymas* 'чернота, черное место', *sūrymas* 'рассол': *báltas* 'белый', *júodas* 'черный', *sūrūs* 'соленый' ¹.

Обнаружить исходное слово для лит. *pólumas* позволяет существование этимологического соответствия в латышском языке. Речь идет о лтш. *pālums* (*pālums*) 'полоса, чем-нибудь выделяющаяся из среды', 'пустое место (где не растут хлеба и трава)', 'бледный блеск на небе', соотносящемся с лтш. *pāls* (*pāls*) 'бледный'. Колебание между *-um(a)s* ² и *-umas* наблюдается даже в одном и том же языке (ср., например, лит. *šākumas* 'развилка, разветвление': *šākumas* то же).

Этимологическая связь названий цветов и низких болотистых или чем-нибудь выделяющихся из среды мест в семасиологическом отношении представляется возможным, ср. лит. *balas*, ж. р. *bala* 'белый, -ая': лит. *balà* 'болото', лтш. *bala* 'глинистый без деревьев овраг', 'топкое место', 'болото'; лит. *pilkas* 'серый': лит. *pélkė*, лтш. *pelce*, др.-прус. *pelky* 'болото'; лит. *báltas*, лтш. *balts* 'белый': ст.-слав. блато, алб. *baltë* 'тина', 'болото', 'глина', 'земля'; рус. *белый*, польск. *biały* и др.: рус. *биль* 'болото, на котором растет один мох', польск. *biel* 'низкий, заболоченный лес'; лит. *pálvas* 'палевый', рус. *половый*, *половой*, польск. *plowy* 'желтоватый' и др.: др.-прус. *palwe* 'пустыня, покрытая мхом',

¹ Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, с. 211.

² О такой модели словообразования см.: Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, с. 333.